

Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании¹

С.В. МАРЕЕВА*, Н.Е. ТИХОНОВА**

***Мареева Светлана Владимировна** – кандидат социологических наук, заведующий Центром стратификационных исследований, Институт социальной политики, НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник, Центр комплексных социальных исследований, Институт социологии РАН. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: smareeva@hse.ru

****Тихонова Наталья Евгеньевна** – доктор социологических наук, профессор-исследователь, факультет экономических наук НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Институт социальной политики, НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: ntikhonova@hse.ru

Цитирование: Mareeva S., Tikhonova N. (2016) Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Mir Rossii*, vol. 25, no 2, pp. 37–67 (in Russian)

В статье на материалах общероссийских репрезентативных исследований Института социологии РАН представлены результаты анализа изменений восприятия бедности и неравенства в общественном сознании россиян. Показано, что эти изменения отражают объективные тенденции эволюции соответствующих явлений в России в период с начала 2000-х годов до начала нынешнего экономического кризиса. Если говорить о бедности, то в числе этих изменений следует назвать прежде всего сокращение масштабов бедности и изменение ее причин, трансформацию в силу этого отношения россиян к бедным, вытеснение этой проблемы на периферию общественного сознания. Если же говорить о неравенствах, то главными тенденциями динамики в этой области выступают изменение сравнительной значимости основных типов социальных неравенств, их углубление, обострение восприятия проблемы неравенств населением и ее выдвигание на первый план на фоне смягчения ситуации с бедностью. Эти тенденции не изменил даже начавшийся в 2014 г. экономический кризис, резко увеличивший численность бедных.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Изучение демографического и социально-экономического поведения домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла и оценка влияния социальной и налоговой политики на динамику уровня жизни и его дифференциацию», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Ключевые слова: бедность, неравенство, общественное сознание, социальная структура, «туннельный эффект», социальная справедливость

Начавшийся в 2014 г. экономический кризис обострил проблемы бедности и неравенств в российском обществе. Однако, несмотря на слом того позитивного тренда сокращения бедности, который сохранялся в России на протяжении более 15 лет, и на быстрый рост бедности в стране² в настоящее время, эта проблема не относится к числу тех, которые вызывают особое беспокойство россиян или находятся в фокусе внимания власти и научной общественности, что значительно отличает нынешние обстоятельства от ситуации начала 2000-х гг.

Почему же тема бедности не вызывает сейчас серьезного беспокойства в обществе? Как вообще изменилось восприятие бедности в общественном сознании за эти годы? И почему теперь вместо бедности все чаще говорят о социальных неравенствах как о проблеме, которая напрямую влияет на степень социальной напряженности в обществе, определяет легитимность в общественном сознании помощи тем или иным социальным группам, формирует общую повестку дня социально-экономической политики государства в глазах общества? Казалось бы, ответы на эти вопросы предполагают повышенное внимание к восприятию проблем бедности и неравенств в общественном сознании, но такого пока не наблюдается. Так, если говорить о проблемах бедности в России, то им посвящено значительное количество теоретических и практико-ориентированных работ [Беляева 2006; Овчарова 2008; Овчарова 2009; Ярошенко 2010; Карабчук, Пашинова, Соболева 2013; Слободенюк 2013; Горшков, Тихонова 2014; Аникин, Тихонова 2015 и др.]. Однако при этом вопросы отношения населения к бедным, а также понимание бедности как особого социального феномена обществом в целом и самими бедными в частности обычно остаются за рамками обсуждения³.

Что касается проблематики неравенства, то она в последние предкризисные годы начала восприниматься особенно болезненно, а в условиях экономического кризиса ее значимость дополнительно возросла. И это не удивительно – ведь, в отличие от ситуации с бедностью, затрагивающей хотя и значительное число россиян, но все же относительное меньшинство общества, социальные неравенства сказываются на жизни подавляющего большинства населения страны. Возможно, поэтому тема неравенств относительно чаще, чем проблематика бедности рассматривается в разрезе ее восприятия в общественном сознании, в частности в связи с анализом запроса населения на перераспределительную политику государства.

Однако причины восприятия российским населением тех или иных существующих в обществе неравенств как необходимых или, наоборот, нежелательных и избыточных остаются при этом обычно «за кадром», хотя ощущение населением избыточности существующих в российском обществе неравенств, нелегитим-

² Так, по данным Росстата, по итогам I квартала 2015 г. к числу бедных можно было отнести 15,9% населения страны, т.е. 22,9 млн чел. В то же время за год до этого, в первом квартале 2014 г., доля бедных в числе россиян была лишь 13,8%, т.е. на 3,1 млн чел. меньше [ФСГС (1) 2015; ФСГС (2) 2015].

³ Как пример крайне редких в этом плане исключений можно назвать соответствующие главы в [Тихонова 2003] и беглый анализ данной проблематики в [Горшков, Тихонова 2014].

ности их оснований и невозможности самостоятельного их преодоления имеют важные негативные последствия. Причем в числе этих последствий не только социально-политические (социальная нестабильность, ухудшение социально-психологического состояния общества и др.), но и экономические (дестимулирование экономической активности населения, снижение его трудовой мотивации, изменение ряда норм и ценностей на менее продуктивные с точки зрения эффективного экономического развития и др.). В то же время эмпирические данные последних лет показывают растущую актуальность этой проблемы и рост нелегитимности существующих неравенств в представлениях россиян [Горшков, Тихонова 2014; Мареева 2013].

Именно поэтому нам показалось целесообразным рассмотреть особенности восприятия бедности и неравенств в общественном сознании. Обсуждению этой проблематики и посвящена данная статья. Эмпирической базой для анализа в ней послужили данные ряда общероссийских исследований Института социологии РАН, проведенных в период с 2003 по 2015 гг.⁴, а также данные ФСГС РФ.

Причины и портрет бедности в общественном сознании

Восприятие проблемы бедности в общественном сознании проявляется через отношение населения к бедным и оценки причин бедности. Как свидетельствуют эмпирические данные, это отношение в последние годы достаточно быстро меняется, тем не менее до сих пор доминирующим отношением к бедным остается сочувствие (36% в 2013 г.). Если же учесть и тех, кто относится к ним с жалостью (16%), то можно утверждать, что половина населения воспринимает бедных с сопереживанием.

В то же время почти половина россиян не испытывает к бедным ни сочувствия, ни жалости, и более трети вообще не выделяют бедных как особую категорию, заслуживающую какого-то специального отношения, и еще 7% к ним безразличны. И хотя негативно (с презрением, подозрением или неприязнью) к бедным относятся считанные единицы, такое «индифферентное» отношение заметно отличается от существовавшего в российской культуре ранее, в том числе и сравнительно недавно. Так, по сравнению с 2003 г. среди россиян за десять лет резко (более чем в полтора раза) сократилось число относящихся к бедным с сочувствием при одновременном увеличении (тоже более чем в полтора раза) доли тех, кто относится к ним не лучше, чем ко всем остальным. Почти втрое выросла

⁴ Речь идет об общероссийских исследованиях ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России» (март 2003, n = 2106) и ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян» (апрель 2011, n=1750), «О чем мечтают жители России?» (март 2012, n = 1751), «Бедность и бедные в современной России» (апрель 2013, n=1600), «Средний класс в современной России» (февраль 2014, n = 1600), «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» (март 2014, n=1600), мониторинговое исследование «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2 волна – март 2015, 3 волна – октябрь 2015 г., в обеих волнах n=4000). Выборка всех этих исследований репрезентировала население страны в целом по региону проживания, а внутри каждого региона по типу поселения, полу и возрасту (за исключением данных 2012 г. – выборка этого исследования охватывала россиян не старше 55 лет). В 2013 г. также была проведена довыборка по бедным (n=300), использовавшаяся после ее объединения с основным массивом для углубленного анализа подгруппы бедных россиян, доход которых был ниже установленного в их регионах прожиточного минимума с учетом структуры их домохозяйств.

за этот период и доля воспринимающих их с безразличием, хотя количественно изменение этой позиции не сильно сказалось на общей картине. Это позволяет утверждать об ухудшении отношения к бедным (рисунок 1).

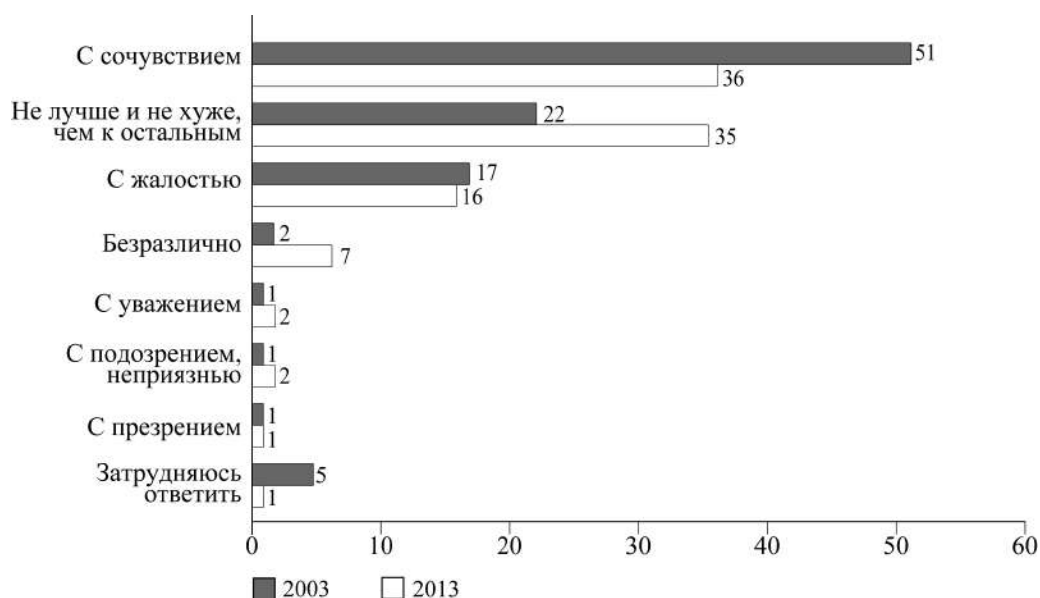

Рисунок 1. Динамика отношения россиян к бедным, 2003–2013 гг., %

Хуже других относятся к бедным те, кто не имеет их в своем ближайшем окружении – среди них с сочувствием воспринимают бедных менее трети (31%). В этой связи нужно отметить, что в 2003 г. не имели бедных в своем окружении лишь 18% россиян, а в 2013 г. таковых насчитывалось уже 33%, т.е. в 1,8 раз больше, примерно столько же их было и осенью 2015 г. В значительной степени эти изменения объясняются сокращением в 2000-е гг. численности бедных в российском обществе: по данным ФСГС РФ, их количество сократилось в 2000–2013 гг. с 42,3 до 15,5 млн чел., а доля бедных в составе населения страны упала за это же время с 29,0% до 10,8% [ФСГС (1) 2015]. Правда, в конце 2014 – начале 2015 гг. этот показатель продемонстрировал заметный рост, связанный с падением реальных доходов населения в результате кризиса⁵ (таблица 1), однако на расширении числа тех, кто имеет бедных в своем ближайшем окружении, увеличение численности бедных в полтора раза всего за два года никак не сказалось. Это означает, что количество бедных – не единственный фактор, влияющий на величину этого круга, и среди других воздействующих на него обстоятельств немалую роль играет также «закрытие» в последние годы средних слоев.

⁵ Хотя данные социологических исследований дают более высокие оценки масштабов бедности в современной России, они все же также фиксируют тенденцию значительного сокращения численности бедных в период до 2014 г. [Горшков, Тихонова 2014; Карабчук, Пашинова, Соболева 2013 и др.]

Таблица 1. Динамика численности населения России с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, 1999–2015 гг.

Год	Млн человек	% населения
1999	41,6	28,4
2000	42,3	29,0
2001	40,0	27,5
2002	35,6	24,6
2003	29,3	20,3
2004	25,2	17,6
2005	25,4	17,8
2006	21,6	15,2
2007	18,8	13,3
2008	19,0	13,4
2009	18,4	13,0
2010	17,7	12,5
2011	17,9	12,7
2012	15,4	10,7
2013	15,5	10,8
2014	16,1	11,2
1 кв. 2015 ⁶	22,9	15,9

Источник: [ФСГС (1) 2015].

Наряду с изменением численности бедных и выпадением их из состава ближайшего окружения большинства россиян, тенденция трансформации отношения населения страны к бедным соотечественникам объясняется также и сдвигами, происходящими в восприятии причин бедности. За последние годы роль структурных факторов бедности в представлениях россиян значительно снизилась, это касается как лидировавшего в списке причин в 2013 г. фактора длительной безработицы, так и занимавшей первое место в 2003 г. задержки выплаты заработной платы или пенсий; заметно снизилась сравнительная роль фактора недостаточности государственных пособий по социальному обеспечению. Сегодня россияне все чаще видят причины бедности в особенностях самих бедных, и эта тенденция только усилилась под влиянием экономического кризиса: так, за последние два года в общественном сознании резко возросла роль такой причины бедности, как лень и неприспособленность к жизни, и впервые за последние 12 лет в перечне причин бедности лидируют алкоголизм и наркомания (таблица 2).

⁶ Без учета данных по Республике Крым и г. Севастополь.

Таблица 2. Динамика представлений россиян о причинах бедности людей их ближайшего окружения, 2003–2015 гг., % от имеющих бедных в своем окружении (допускалось до пяти ответов, ранжировано по данным 2015 г.)

Причины бедности	2003	2013	2015
Алкоголизм, наркомания	35	39	39
Болезнь, инвалидность	37	40	35
Длительная безработица	41	41	31
Лень, неприспособленность к жизни	22	23	31
Семейные неурядицы, несчастья	25	31	29
Недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению	38	32	25
Невыплата зарплаты на предприятии, задержка пенсий	47	19	24
Плохое образование, низкая квалификация	23	21	19
Нежелание менять привычный образ жизни	19	18	18
Отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, знакомых	20	20	15
Низкий уровень жизни их родителей	20	19	13
Проживание в бедном регионе (районе, городе, местности)	17	17	12
Наличие большого числа иждивенцев	17	17	10
Им просто не везет	14	13	10
Они мигранты, беженцы	5	4	5

Примечание: жирным шрифтом выделены позиции, в оценке которых разница показателей в 2003 и 2015 гг. составляла не менее 5%. Светло-серым фоном выделены позиции, выбор которых увеличился, темно-серым – сократился.

Таким образом, ситуация с бедностью в России даже в кризисных условиях обусловлена в восприятии населения уже не столько общей экономической ситуацией (как это было в 2003 г.), сколько «неправильным» поведением самих бедных или теми несчастьями, которые произошли в их семьях и не были должным образом компенсированы мерами государственной социальной политики.

С этими изменениями коррелирует и трансформация портрета бедных, существующего в общественном сознании. Хотя 71% россиян считают, что бедные с точки зрения их морально-нравственного портрета ничем не отличаются от остального населения, почти 30% все же уверены, что такие отличия есть, и главное из них – распространенность в среде бедных пьянства и наркомании (так думают 60% среди отмечающих те или иные отличия от небедных россиян). Среди других особенностей россиянами упоминаются присущие бедным хамство, грубость, нецензурная брань (10%), плохое воспитание собственных детей и невнимание

к ним (6%), проституция (4%) и т.д. Таким образом, отчетливо прослеживается начало стигматизации бедных в российском обществе, формирования их портрета как андеркласса, отличающегося от остального населения страны не только уровнем доходов, но и поведенческими навыками.

Кроме того, трансформация взглядов россиян относительно причин бедности, как и особенности портрета бедных в общественном сознании, свидетельствует, что в последние годы восприятие бедности дифференцируется. Действительно, одно дело, когда люди переходят в категорию бедных из-за смерти кормильца семьи, тяжелой болезни кого-то из членов домохозяйства и т.п., и государство, не учитывая возникающие при этом риски бедности, практически не оказывает помощь этим группам населения. К таким людям россияне и сегодня относятся с сочувствием и жалостью. И совсем другое дело, когда к бедности приводят алкоголизм, наркомания, лень, неприспособленность к жизни, и это, судя по мнению россиян, происходит в настоящее время все чаще. Таким бедным типичный россиянин отнюдь не склонен сочувствовать и не понимает, почему им надо помогать из бюджетных средств, тем более что *«все равно ведь пропьют»*. В этом отношении идеология выделения степени нуждаемости как главного критерия для социальной помощи человеку, активно пропагандируемая в последние годы, приходит в противоречие с жизненным опытом и взглядами рядовых граждан страны.

В целом можно сказать, что значительное «закрытие» благополучных социальных слоев, изменение важности различных причин бедности, а также преобразование ее портрета в общественном сознании, как и начавшаяся стигматизация бедных, приводят к тому, что сама по себе бедность в восприятии россиян все меньше выступает основанием для априорного сочувствия оказавшимся в сложном положении людям. Отношение к бедным начинает выстраиваться в современном российском обществе исходя не из факта их бедности, а из особенностей ее причин. Тем самым из «категориального» оно превращается в «индивидуальное», связанное с жизненной ситуацией конкретного человека. Одновременно бедные как специфическая социальная группа, заслуживающая особого отношения к ней, все дальше отодвигаются на периферию сознания россиян. Это означает, что помощь бедным как особой социальной категории все больше уходит из повестки дня социально-экономической политики, актуальной для большинства населения страны. В этих условиях неудивительно, что, по мнению большинства населения, бедность не относится к числу проблем, которые они воспринимают как наиболее острые и насущные.

Главный вывод из вышесказанного заключается в том, что преобразование социальной структуры российского общества и его трансформация за эти годы из общества массовой бедности в общество массовой малообеспеченности приводят и к соответствующим изменениям запроса на приоритеты социальной политики. Задача борьбы с бедностью в глазах населения заменяется, скорее, на поддержку малообеспеченного, а не бедного населения, и предотвращение рисков его сползания в бедность, в частности, поддержки тех, кто оказался в бедности по независящим от них причинам (проблемы со здоровьем, смерть кормильца и т.д.) и не обладает возможностями самостоятельно улучшить свое положение в силу сложившихся в стране институциональных условий.

Но кого же россияне причисляют к бедным, и как их интерпретация бедности соотносится с мнением специалистов?

Абсолютная и относительная бедность в представлениях населения

Говоря о бедности, само население имеет достаточно четкие представления о данном феномене. Причем в своих ответах оно определяет его, пользуясь как абсолютным, так и относительным подходами к бедности⁷. В общественном сознании существуют конкретные оценки как самой черты бедности «в рублях», так и признаков образа жизни и лишений, характерных для бедных.

Если обратиться к традициям абсолютного подхода, то данные исследования 2013 г. показывают, что бедным для населения на тот момент являлся человек, среднемесячный душевой доход в семье которого составлял не более 8848 руб. (судя по данным этого же исследования, доля россиян, соответствующих этому критерию, т.е. имеющих доходы ниже заданной таким образом черты бедности, составляла на тот момент 23%).

При анализе представлений населения о бедности важны, однако, не только оценки черты бедности в ее абсолютном выражении⁸, но и ее фактическое соотношение с доходами обычных российских семей и задаваемым регионами в соответствии с предложенной Росстатом методологией региональными прожиточными минимумами. По данным исследования ИС РАН, в начале II квартала 2013 г. среднедушевые доходы рядового россиянина составляли 14 575 руб.⁹ Таким образом, если посмотреть на соотношение установленной населением черты бедности с медианой их распределения, то оказывается, что черта бедности проходит в общественном сознании на уровне 73,7% от их медианы. Этот уровень заметно выше, чем распространенные в социальной политике и среди специалистов по бедности представления об их оптимальном соотношении, находящемся обычно

⁷ *Абсолютный подход* к бедности используется преимущественно экономистами. Индикатором бедности при нем служит то, что доходы в домохозяйстве ниже определенного прожиточного минимума (ПМ), нормативно задаваемого экспертами (при этом методика расчета прожиточного минимума может меняться от страны к стране и даже в одной стране – как это было, например, в России в последние 25 лет, за которые методика расчета ПМ менялась неоднократно). Этот подход примерно до 1980-х гг. использовался для целей выработки социальной политики и сбора социально-экономической статистики во всех странах, однако в последние десятилетия развитые страны отказались от него в пользу так называемого относительного подхода. *Относительный подход* (в его депривационной или монетарной версии) распространен в большей степени среди социологов. С точки зрения социологической науки, бедные – это не те, кто имеют доходы ниже определенной расчетной величины, а те, кто живут бедно. При депривационной версии этого подхода, основоположником которой был П. Таунсенд, признаками бедности выступают лишения, которые испытывают бедные семьи и которые в соответствующей культуре рассматриваются как свидетельства бедности [Townsend 1979; Townsend 2010]. При использовании же монетарной версии относительного подхода в качестве критерия бедности используется определенный процент от медианы доходного распределения по населению в целом, поскольку предполагается, что доходы ниже этого уровня заведомо не позволяют домохозяйству и его членам вести образ жизни, который ведет большинство представителей данного общества.

⁸ Отметим, что в литературе существуют различные подходы к построению субъективной черты бедности – как монетарной, так и немонетарной. Одним из наиболее известных является подход, разработанный Б. Ван Праагом [Van Praag 1977], учитывающий при определении субъективной монетарной черты бедности для всего населения собственные доходы респондентов.

⁹ Спустя два года, в марте 2015 г., они выросли до 16216 руб. Как видим, изменения были незначительными, около 10% в относительном выражении, и явно «не дотягивали» до роста стоимости жизни за этот период в силу инфляции. Однако говорить о катастрофическом падении уровня жизни россиян в силу кризиса при такой динамике их доходов также не приходится. В то же время эти показатели свидетельствуют о том, что без учета верхних 3–5% не попадающих в выборки массовых опросов уровень доходов населения несопоставимо ниже, чем заявляемый ФСГС РФ.

в диапазоне от 40% до 60% медианы доходов. Такая картина объясняется тем, что в России медиана доходов населения имеет очень низкие показатели: фактически существует примерно 25% благополучного населения, к которым примыкает еще приблизительно 15–20% условно благополучных. Что же касается остальных, то, несмотря на наблюдавшийся у них до 2014 г. формальный рост доходов, фактически их доля в разделе «национального пирога» в течение последних двух лет относительно уменьшилась (таблица 3). В результате использование медианного дохода для определения численности бедных требует в России дополнительной корректировки (например, использования в качестве черты бедности показателей на уровне 70–75% от медианного дохода).

Таблица 3. Распределение общего объема денежных доходов населения и характеристики дифференциации этих доходов, 1980–2015 гг.

Год	По 20-процентным группам населения, в %:				
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)
1980	10,1	14,8	18,6	23,1	33,4
1990	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7
1995	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3
2000	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7
2005	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2010	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7
2013	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6
2014	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4
2015	5,6	10,4	15,3	22,7	46,0

Источник: [ФСГС (3) 2015; ФСГС (4) 2015].

Особо следует подчеркнуть, что представления россиян о черте бедности очень дифференцированы, и это связано не только с различием официальных прожиточных минимумов по регионам. Так, хотя в зависимости от региона проживания оценки россиянами черты бедности действительно разнятся весьма существенно (в 2013 г., например, диапазон колебаний составлял от 5000 руб. в Воронежской и Челябинской областях до 10000 руб. в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярском и Хабаровском краях), однако почти столь же заметно влияет на них и тип населенного пункта, в котором проживают люди (в мегаполисах и селах в тот момент эта черта по медиане распределений проходила на уровне 10000 и 7000 руб. соответственно).

Такой разброс указывает на тот факт, что поселенческие различия в стоимости жизни в России достаточно велики, хотя при определении размера официального прожиточного минимума они вообще не учитываются. Региональные же различия

ставятся в методике его расчета во главу угла, и в итоге прожиточный минимум устанавливается в каждом регионе самостоятельно с учетом его экономических возможностей и особенностей реализуемой его руководством социальной политики. В итоге разброс в величине прожиточного минимума по регионам оказывается довольно значителен даже при схожести стоимости жизни, поселенческой структуры населения и т.д. Так, например, в Москве медианным значением представлений населения о черте бедности выступали в 2013 г. 10000 руб., что близко к показателям официального прожиточного минимума, который был установлен на тот момент в размере 9850 руб. [Постановление Правительства Москвы 2013]. В Санкт-Петербурге же официальный прожиточный минимум составлял в то же самое время 6892,6 руб. [Постановление Правительства Санкт-Петербурга 2013], хотя по представлениям его жителей черта бедности там также проходила на уровне 10000 руб. И, учитывая сходство образа жизни населения этих мегаполисов, а также тот влияющий на стоимость жизни факт, что Петербург расположен севернее Москвы, такое мнение населения представляется более обоснованным, чем позиция местного руководства при установлении регионального прожиточного минимума.

Таблица 4. Динамика представлений россиян о том, чем жизнь бедных семей в России отличается от жизни всех остальных, 2003–2013 гг., % (допускалось до пяти ответов, ранжировано по ответам населения в 2013 г.)

Признаки бедности	2003	2013
Характер питания	85	73
Доступность приобретения или качество одежды и обуви	55	58
Возможность удовлетворения первоочередных нужд без долгов	38	51
Качество занимаемого жилья	53	47
Доступность и уровень медицинского обслуживания и лекарств	52	44
Возможности получения хорошего образования, включая дополнительные занятия для детей и взрослых	40	35
Возможности проведения досуга, отпуска	33	32
Возможности для детей добиться в жизни того же, что и большинство их сверстников	25	29
Доступность культурной жизни (посещение театров, кино, клубов, приобретение книг, журналов и т.п.)	16	16
Отношение к ним окружающих	10	16
Возможность иметь интересную работу	9	15
Большая незащищенность от физического насилия и посягательств на их собственность	17	10
Возможности активно участвовать в общественной и политической жизни	4	2

Примечание: жирным шрифтом выделены позиции, выбранные как признаки бедности более чем половиной россиян.

До сих пор речь шла об абсолютной бедности в представлениях населения, однако в общественном сознании существует и устойчивое мнение о конкретных признаках того, что человек живет бедно, а именно: плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов, а также плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, провести так как хочется свое свободное время, а детям – добиться того же, чего добиваются большинство сверстников (таблица 4).

Как видно из данных таблицы 4, картина признаков бедности достаточно устойчива, и за последние 10 лет резко изменились показатели лишь по такому признаку, как невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов: видимо, за это время долги стали одной из ключевых особенностей жизни бедных. Менее заметно, но все же возросла и роль таких отличий жизни бедных от жизни остального населения, как доступность приобретения и качество одежды и обуви, невозможность иметь интересную работу, а для детей – добиться того же, чего удается добиться большинству сверстников. Таким образом, речь идет о росте значимости таких признаков бедности, которые говорят об ухудшении ситуации с немонетарными неравенствами, от которых страдают бедные россияне.

Отметим, что с учетом заложенной Дж. Маком и С. Лэнсли традиции [Mack, Lansley 1985] данные о признаках бедности с точки зрения самого населения должны использоваться при выделении бедных при применении депривационной версии относительного подхода к бедности. Особенно важен с этой точки зрения тот факт, что признаки бедности все группы населения выделяют достаточно единодушно. Так, например, если говорить о самих бедных¹⁰, то и они относили к этим признакам прежде всего плохое питание и недоступность приобретения новых одежды и обуви, а также невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов (каждый из этих трех признаков был отмечен более чем половиной бедных). Почти половина бедных называла в этом ряду и такие признаки, как качество занимаемого жилья (49%), а также доступность и качество медицинского обслуживания (45%). В общем же, несмотря на некоторые количественные отличия, ключевые признаки бедности в общественном сознании в целом и в восприятии бедных совпадают.

Также стоит отметить, что, хотя за последние 10 лет среди бедных и выросла доля оценивающих свое материальное положение как плохое и даже признающих себя живущими за чертой бедности, они все же не готовы признавать себя бедными, и данный факт следует учитывать при выработке механизмов реализации адресной социальной политики, основанной на заявительном принципе помощи. Это принципиально отличает нынешнюю ситуацию от начала 2000-х гг. и связано

¹⁰ Для проведения такого анализа на массиве данных ИС РАН 2013 г. нами была выделена группа бедных. Методологически выделение бедных проводилось в соответствии с абсолютным подходом и опиралось на сопоставление показателей совокупного дохода домохозяйств, к которым относились респонденты, с одной стороны, и показателей совокупного прожиточного минимума домохозяйств определенной структуры в конкретном субъекте РФ, с другой. Методика получения первого заключалась в суммировании всех доходов домохозяйства конкретного респондента, а второго – в суммировании нормативов прожиточных минимумов в зависимости от места проживания членов каждого домохозяйства и его состава. В результате к бедным были отнесены только те респонденты, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых были ниже, чем установленный в соответствующих регионах прожиточный минимум для домохозяйств соответствующей структуры. Численность выделенной в итоге группы бедных составила 13% респондентов, что практически совпало (13,8%¹⁰) с данными ФСГС РФ на момент проведения опроса (март 2013 г.).

с упоминавшимся выше изменением отношения к бедным в российском обществе: неслучайно три четверти признающих себя бедными заявляют, что им приходится испытывать чувства неловкости и стыда из-за своей бедности. Более того, четверть всех бедных сталкивалась с дискриминацией, обусловленной именно их материальным положением, отражающимся на их внешнем виде (дешевая одежда и т.п.). В то же время бедные относят себя в подавляющем большинстве к нижним слоям общества, но не к его «дну». Так, хотя при самооценке своего социального статуса по десятибалльной шкале на нижние три «ступени» социальной лестницы отнесла себя основная их масса, они все же ставят себя обычно на третью снизу, а не на нижние две «ступени». Об этом же говорит и тот факт, что каждый третий бедный в октябре 2015 г. утверждал, что у него вообще нет бедных среди знакомых.

Неравенства в общественном сознании: легитимность оснований и проявлений

Выше отмечалось, что проблема бедности постепенно смещается на периферию общественного сознания россиян. Однако неравенства характеризуются иной тенденцией: ситуация с ними в России ухудшается не только с точки зрения объективных показателей¹¹, но и с точки зрения остроты этой проблемы в представлениях россиян, их ощущения избыточной глубины и несправедливости существующего в стране неравенства. Так, в 2012 г. подавляющее большинство россиян называли существующие различия в доходах слишком большими, две трети считали сложившуюся систему распределения частной собственности в России несправедливой, аналогичная доля населения считала, что люди не получают достойного вознаграждения за свои навыки, способности и квалификацию. При этом более половины россиян, но все же заметно меньше, чем в отношении общества в целом, отмечали, что последнее утверждение относится и к ним лично: по их мнению, с учетом имеющейся у них квалификации и тяжести их труда они получают на работе значительно меньше, чем того заслуживают (*рисунок 2*). Также следует подчеркнуть, что существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения, независимо от их уровня жизни и динамики их личного благополучия.

Что касается последствий ощущения избыточности и несправедливости неравенств, характеризующим российское общество, то они проявляются также в скрытом росте протестных настроений и в недовольстве населения выбранным путем развития страны. Так, доля тех, кто заявляет, что путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик, в разы выше среди считающих нынешнюю систему распределения частной собственности несправедливой, чем среди оценивающих ее как правильную (42% и 18% соответственно). Заметны различия по этому вопросу и между теми, кто считает, что население страны не получает достойного вознаграждения за свою квалификацию и знания, и теми,

¹¹ Так, согласно предварительным данным ФСГС РФ, коэффициент Джини по распределению доходов составил для России в 2014 г. 0,416, в то время как в 2000 г. он составлял 0,395, а децильный коэффициент фондов достиг 16,0 по сравнению с 13,9 в 2000 г. [ФСГС (3) 2015]. Правда, кризис относительно ухудшил положение верхнего дециля, и коэффициент фондов стал составлять 15,8, а коэффициент Джини – 14,2 [ФСГС (4) 2015].

кто воспринимает оплату труда россиян как обоснованную и справедливую (39% и 25% соответственно). Показательно, что оценка справедливости или несправедливости собственной зарплаты в меньшей степени влияет на оценку пути, которым идет Россия: при его характеристике население отталкивается именно от оценки ситуации в обществе в целом, а не от своих индивидуальных обстоятельств. Что касается протестных настроений и стремления к замене власти, то они также выше в группе тех, кто считает систему распределения частной собственности в России несправедливой. Таким образом, недовольство сложившейся системой распределения доходов и собственности влияет как на оценку власти и формирование протестных настроений, так и на общую оценку вектора развития страны.

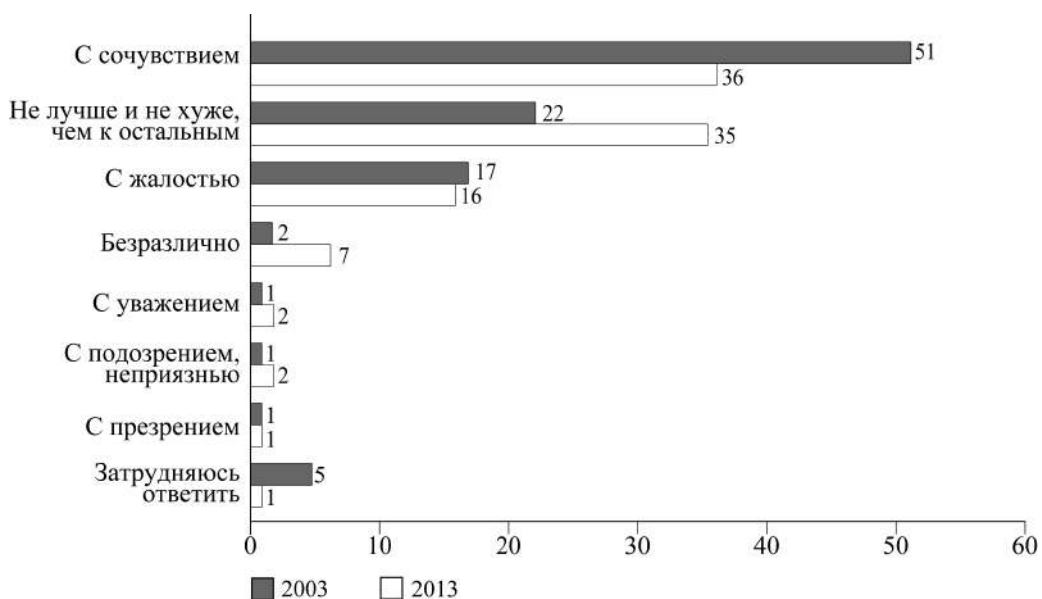

Рисунок 2. Оценки россиянами справедливости распределения доходов и собственности, 2012 г., %¹²

Важно подчеркнуть, что консенсусная позиция населения относительно избыточности и несправедливости сложившейся системы неравенств в современном российском обществе не может быть объяснена тем, что россияне вообще не приемлют неравенств в доходах и уровне жизни. Модель общества, к которой они стремятся и которая отвечает их нормативно-ценностным представлениям, предполагает равные возможности для всех добиваться улучшения условий жизни и допускает существование даже глубоких неравенств, но возникших на справедливых основаниях. При этом легитимные основания неравенств по доходам

¹² На рисунке 2 не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также затруднившиеся с ответом. Данные приведены для россиян не старше 55 лет.

в общественном представлении – это, прежде всего, большая эффективность работы и более высокий уровень образования в условиях равных для всех возможностей для заработка (рисунок 3).

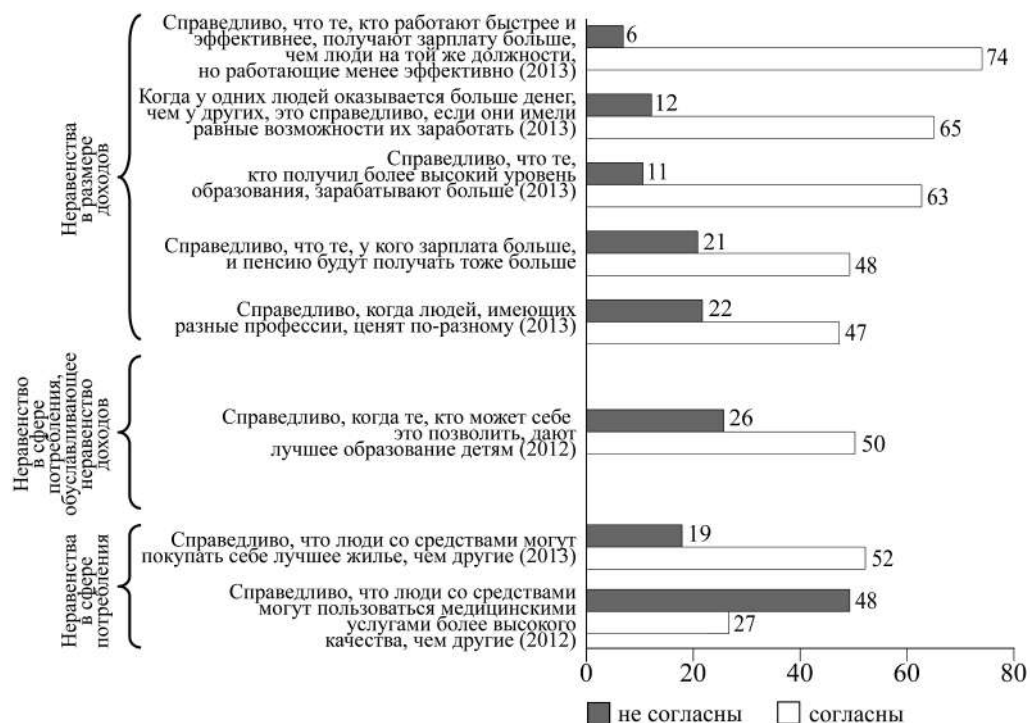

Рисунок 3. Толерантность россиян к неравенствам разного типа, 2012 и 2013 гг., %¹³

Как видно на *рисунке 3*, нормативно-ценностная система россиян характеризуется достаточно высокой толерантностью к неравенствам, возникшим на основаниях, которые представляются им легитимными, и сформировавшимся в условиях равенства возможностей для всех (первые три позиции, представленные на *рисунке 3*). Дополнительной иллюстрацией этого факта выступают данные, характеризующие представления населения о том, во сколько раз доход высококвалифицированного специалиста или руководителя должен превышать средний доход по стране. Россияне считают, что эта разница должна составлять примерно 4,7 раза (2014 г.), и эта оценка не сильно изменилась за последнее десятилетие. Это предполагает (с учетом того, что за этими рамками остаются как богатые, так и нуждающиеся) достаточную глубину дифференциации доходов в обществе. Из всех

¹³ На *рисунке 3* не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также те, кто затруднился с ответом.

неравенств для россиян неприемлемым остается только неравенство в доступе к медицинским услугам.

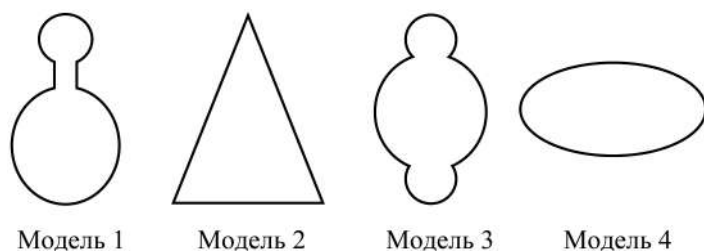
Хотя оценки, которые население дает неравенствам, наиболее болезненным на микроуровне (для них лично) и макроуровне (для общества), тесно связаны между собой, россияне все же значительно чаще говорят о неравенствах, от которых страдает общество в целом, нежели о неравенствах, от которых страдают лично они. Таким образом, проблема социальных неравенств воспринимается ими не только и даже не столько с точки зрения их индивидуальных обстоятельств, сколько как важная «болевая точка» всего современного российского общества. Так, неравенство по доходам, которое со значительным отрывом возглавило оба этих списка не только в период экономического кризиса 2015 г., но и в относительно благополучный 2013 г., считали наиболее болезненным для общества 82% россиян, а особенно тяжелым для себя лично – 66%. И хотя лишь небольшая доля респондентов отметила, что сами они не страдают ни от каких неравенств (9%), об отсутствии каких-либо острых неравенств в обществе в целом заявило еще меньшее число – только 3% (таблица 5).

Таблица 5. Представления россиян о наиболее болезненных неравенствах в обществе в целом и лично для них, 2015 г., % (допускалось до пяти ответов; ранжировано по неравенствам, болезненным лично для респондентов)¹⁴

Виды неравенств	Самые болезненные для общества в целом	Самые болезненные лично для респондентов
Доходов	82	66
В доступе к медицинской помощи	59	39
Жилищных условий	61	30
В доступе к хорошим рабочим местам ²	50	23
В возможностях для детей из разных слоев общества	31	18
В доступе к образованию	40	16
В досуговых возможностях	14	12
В обладании собственностью	18	12
В наличии знакомств с «нужными людьми»	10	11
В возможностях доехать общественным транспортом	8	10
В физических возможностях	7	9
В возможностях пользования компьютером и Интернетом	3	3
Таких неравенств нет	3	9

¹⁴ Приведено для работающих россиян.

Ощущение избыточности существующих в стране неравенств, характерное для общественного сознания, четко прослеживается и при оценке населением реальной и желаемой модели социальной структуры современного российского общества (рисунки 4). Данные показывают, что реальные и идеальные модели российского общества в представлениях россиян не просто не совпадают, а прямо противоположны. Большинство их склонны характеризовать существующую модель социальной структуры российского общества как пирамиду (57%) или как общество, где основная часть населения – это «низ», которым противостоят оторванные от народа немногочисленные элитные и субэлитные слои (28%). При этом в качестве идеальных населением относительно чаще выбираются модели с высокой долей именно средних слоев, т.е. модели общества массового среднего класса. И хотя 40% россиян в настоящий момент выступают за модель общества социальной однородности (модель 4 на рисунке 4), остальные 60% хотели бы жить в обществе с достаточно глубокой степенью неравенства, но характер распределения которого был бы иным, чем в современной России, и предполагал бы не массовую малообеспеченность, а массовые средние слои.

	Доля респондентов, выбравших соответствующую модель, %			
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Как идеальную	9	20	31	40
Как реальную	28	57	12	2
Разница	-19	-37	19	38

Рисунок 4. Представления россиян о том, какая модель в наибольшей степени отражает реальную и идеальную социальную структуру российского общества, 2012 г. (для лиц не старше 55 лет)

Выбор 60% населения моделей общества с глубокой социальной дифференциацией даже в условиях существующих сегодня в России глубоких, нелегитимных в глазах населения и экономически неоправданных социальных неравенств подтверждает сделанные выше выводы о толерантности россиян к неравенству на нормативном уровне и восприятию его как востребованной характеристики общественного устройства. Но верен этот вывод будет только в таких институциональных условиях, когда у населения есть возможность самостоятельно добиваться улучшения своего положения, что не соответствует ситуации, сложившейся в настоящий момент в России.

Анализ отношения россиян к неравномерности распределения доходов в обществе на данных четырех волн Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*)¹⁵ демонстрирует и другие важные тенденции изменения отношения к неравенствам в российском обществе. Как видно из данных *таблицы 6*, в период 1990–2006 гг., т.е. во время достаточно быстрого экономического роста и существования открытых лифтов социальной мобильности, в России происходила поляризация мнений по этому вопросу: росло число уверенных сторонников общества равных доходов при одновременном увеличении доли тех, кто считал, что обществу необходима доходная дифференциация, так как именно она выступает стимулом экономической активности граждан. Однако период после кризиса 2008–2009 гг. повлек за собой крушение надежд россиян на поступательное улучшение жизни и характеризовался закрытием социальных лифтов восходящей мобильности. Это качественно изменило их представления о желаемой неравномерности распределения доходов: число максималистски настроенных сторонников неравенства доходов (выбравших десятую позицию по шкале отношения к нему из десяти возможных) сократилось в 8 раз, и одновременно с этим более чем вдвое выросло число сторонников абсолютного равенства доходов. В итоге, если в 1990 г., накануне активной фазы трансформационных преобразований в России, неравенство доходов было гораздо популярнее, чем их равенство (соотношение их сторонников составляло 5:1), то после кризиса 2008–2009 гг. это соотношение стало составлять уже 1:6, приобретая почти зеркальный по отношению к 1990 г. вид (*таблица 6*).

Таблица 6. Оценка россиянами желаемой степени неравномерности распределения доходов в обществе, 1990–2011 гг., WVS, %¹⁶

Оценка по 10-балльной шкале WVS	1990	1995	2006	2011
Выступают за равные доходы (1 балл)	4	7	16	37
В большей степени поддерживают равенство доходов (2–3 балла)	7	8	10	23
Средняя позиция (4–7 балла)	42	42	25	31
В большей степени поддерживают неравномерность распределения доходов (8–9 баллов)	24	20	17	6
Выступают за неравенство доходов как стимул экономической активности (10 баллов)	24	21	32	4

Межстрановой анализ при этом показывает, что доля максималистски настроенных сторонников неравномерности распределения доходов (тех, кто выбрал десятую позицию по шкале из десяти возможных) в 2006 г., т.е. в период активной работы социальных лифтов, в России была значительно выше, чем, например, в Германии (2%) и Китае (14%). Однако в начале 2010-х гг. доля уверенных сторонников неравенства доходов в России (4%) стала примерно соответствовать

¹⁵ Подробнее об этом исследовании, его выборке и результатах см.: <http://www.worldvaluessurvey.org>

¹⁶ Опросы в рамках одной волны WVS проводятся в различных странах в разные годы. Для России опросы соответствующих волн проводились в 1995, 2006 и 2011 гг. Фоном и жирным шрифтом в *таблице 6* выделены доли сторонников полярных позиций в отношении равенства распределения доходов.

уровню Германии (3%). Аналогичные российским тенденции сокращения сторонников неравномерности дохода в последние годы продемонстрировал и Китай (с 14% до 5%). Что же касается сторонников принципиально иной модели общества – общества равных доходов, то доля тех, кто выбирает абсолютное равенство доходов, в 2000-х гг. оказалась в России значительно выше (37%), чем в Германии (17%), Словении (25%) или Китае (16%), хотя в 2006 г. эти доли для России и Китая были близки. Эти тенденции отражаются и в средних значениях оценок желательности или нежелательности неравенства доходов в разных странах (таблица 7). Все это свидетельствует о большей остроте восприятия проблемы неравенств в России по сравнению, например, с Китаем, не говоря уже о европейских странах, как постсоветских, так и традиционно шедших по капиталистическому пути развития.

Таблица 7. Динамика средних значений при оценке неравенства дохода в разных странах, WVS,% (по шкале от 1 до 10 баллов, где 1 – «доходы должны быть равными», 10 – «обществу нужны неравные доходы как стимул экономической деятельности») ¹⁷

Страна ¹⁷	Волны WVS		
	1995–1998	2005–2009	2010–2014
Россия	6,46	6,42	3,37
США	5,44	6,08	5,58
Германия	–	4,53	4,08
Словения	–	4,69	3,48
Китай	5,04	5,97	4,45

В целом можно утверждать, что за в последние годы в России произошли качественные изменения в отношении к существующим в стране неравенствам (хотя нормативные представления о желательности наличия в обществе определенных легитимных неравенств при равенстве стартовых возможностей при этом изменились заметно меньше). И хотя нормативная модель, характерная для россиян, все еще допускает достаточно глубокие неравенства, нелегитимность неравенств, которые существуют сейчас на практике в российском обществе, приводит к формированию запроса на большую социальную однородность и более активную роль государства в преодолении избыточных неравенств (запроса, характерного для всего населения).

Проблема неравенств в российском обществе и «туннельный эффект»

Нетерпимость населения к высокому уровню неравенства, существующему в настоящий момент в России, связана не только с его избыточностью и нелегитимны-

¹⁷ Опросы в рамках одной волны WVS проводятся в различных странах в течение 4–5-летнего периода, что и объясняет разброс времени проведения соответствующих волн исследования в столбцах таблицы.

ми в глазах населения основаниями, но и, как уже отмечалось выше, с отсутствием у россиян перспектив восходящей социальной мобильности, невозможностью собственными силами улучшить свое положение. Такая взаимосвязь рассматривается в научной литературе в терминах «туннельного эффекта» [Hirschman, Rothschild 1973]. Его суть состоит в том, что работающие каналы восходящей мобильности и существование легитимных, справедливых с точки зрения населения возможностей самим добиться улучшения своего положения, способствуют и легитимизации фактического неравенства, существующего в обществе, в глазах всех его членов, даже тех, кто этими возможностями не пользуется.

Таким образом, идея «туннельного эффекта» заключается в том, что возможности восходящей социальной мобильности повышают толерантность населения к неравенствам вообще. Этот эффект А. Хиршман описывает через аналогию с автомобильной пробкой в туннеле. Участников пробки удручает, если в пробке не движется ни один из потоков. Если же машины начинают двигаться хотя бы в одной полосе, то даже те, кто находятся на другой полосе и сами еще не двигаются, начинают чувствовать себя намного лучше из-за ожидания, что скоро и их ситуация изменится. Таким образом, положительные изменения в положении окружающих стимулируют оптимистические представления и повышают тем самым толерантность к сложившейся ситуации. Но если эти ожидания не оправдываются (в аналогии с туннелем – продолжают двигаться только машина, находящиеся на одной полосе), население начинает подозревать нарушения «правил игры», их несправедливость [Hirschman, Rothschild 1973, p. 545].

Базовые идеи «туннельного эффекта» получили развитие в ряде теоретических и эмпирических работ, затрагивающих проблематику отношения к неравенствам и стремления к перераспределению в зависимости от перспектив реальной и ожидаемой социальной мобильности (напр.: [Piketty 1995]). В этом отношении интересна статья М. Равальона и М. Локшина [Ravallion, Lokshin 2000], в которой на данных 1996 г. показана применимость этой концепции и для России: полученные ими результаты свидетельствуют о том, что стремление к перераспределению среди россиян в тот период было связано не только с их текущим индивидуальным положением (хотя в целом бедные в большей степени поддерживали перераспределение доходов), но и с оценками, которые они давали перспективам его изменения. Среди ожидающих ухудшения своего положения запрос на перераспределение оказывался выше, даже чем у представителей относительно благополучных с точки зрения их положения групп.

Интересный межстрановой анализ «туннельного эффекта» представлен в недавней работе российских исследователей В. Гимпельсона и Г. Монусовой [Гимпельсон, Монусова 2014]. На данных трех межстрановых эмпирических исследований они показали значимость социальной мобильности как предиктора отношения к неравенству на страновом уровне, а также продемонстрировали зависимость стремления к перераспределению от восприятия оснований существующего неравенства как легитимных.

В настоящее время в России наблюдается ситуация, при которой каналы социальной мобильности закрываются, повышая недовольство сложившейся системой избыточных и нелегитимных неравенств [Тихонова 2014]. Так, характеризуя изменения ситуации за последние годы в различных сферах с точки зрения имеющихся у населения возможностей, наибольшая доля россиян обычно отмечает, что ситуация либо не изменилась вообще, либо улучшилась, но лишь для узкого

круга людей. Тем самым население фиксирует вполне определенное направление развития российского общества, ориентированное на укрепление положения изначально наиболее благополучных слоев и закрывающее социальные лифты для остальных групп. Например, в 2015 г. более половины россиян отмечали улучшение дел с уровнем жизни в «путинскую эпоху», но лишь 13% из их числа полагали, что оно затронуло большинство населения. Существенно больше было тех (38%), кто считал, что благоприятной экономической конъюнктурой последних полутора десятилетий смог воспользоваться лишь узкий круг людей. Что касается других ключевых сфер жизни (возможностей заниматься предпринимательством, получения образования, профессиональной самореализации, общественного и политического участия, т.е., по сути, тех каналов, которые могли бы быть использованы людьми для самостоятельного улучшения своего положения и преодоления неравенств), то здесь за последние годы, по мнению россиян, либо ничего не изменилось, либо (если улучшения и наблюдались) они затронули лишь немногих.

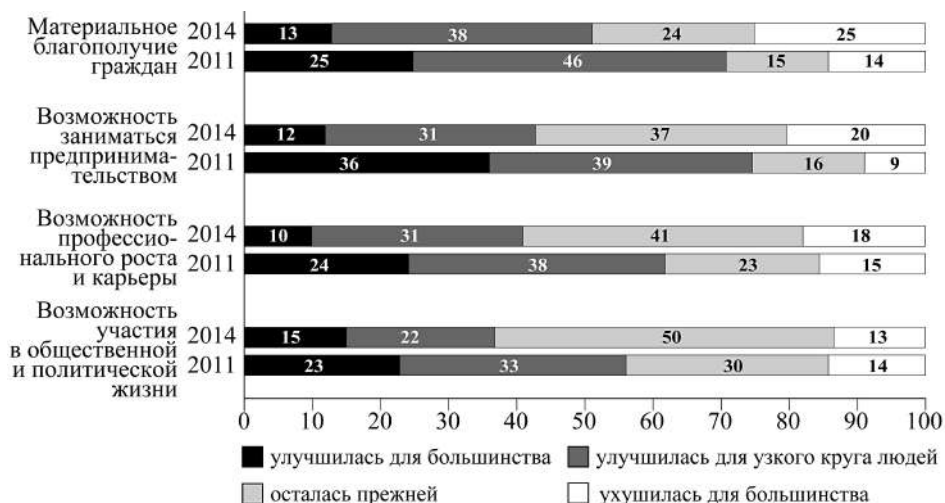

Рисунок 5. Динамика оценок изменения ситуации в различных сферах, 2011 и 2014 гг., %

Кроме того, за последние годы произошло резкое сокращение по всем позициям доли отмечающих улучшение ситуации для большинства населения при одновременном росте численности тех, кто не наблюдает никаких изменений или фиксирует ухудшение ситуации. Так, доля заметивших улучшение ситуации в стране для большинства населения с точки зрения материального благополучия снизилась за это время почти в два раза, в отношении возможностей заниматься предпринимательством – в три раза, в отношении возможностей профессионального роста и карьеры – почти в 2,5 раза (рисунок 5). Очевидно, что с точки зрения качественных улучшений жизни и тех каналов, которые могли бы этим улучшениям способствовать (образование, предпринимательство, профессиональная карьера),

ситуация в глазах населения выглядит достаточно тревожно, что повышает его нетерпимость к сложившейся системе нелегитимных и избыточных неравенств.

В условиях сокращения объективных возможностей улучшения своего положения решение проблем, связанных с преодолением неравенства доходов, все больше обуславливается для россиян равенствами в объеме и структуре тех ресурсов, которыми они располагают, в частности социального капитала, роль которого в достижении благополучного положения в обществе в представлениях россиян очень важна (рисунок 6).

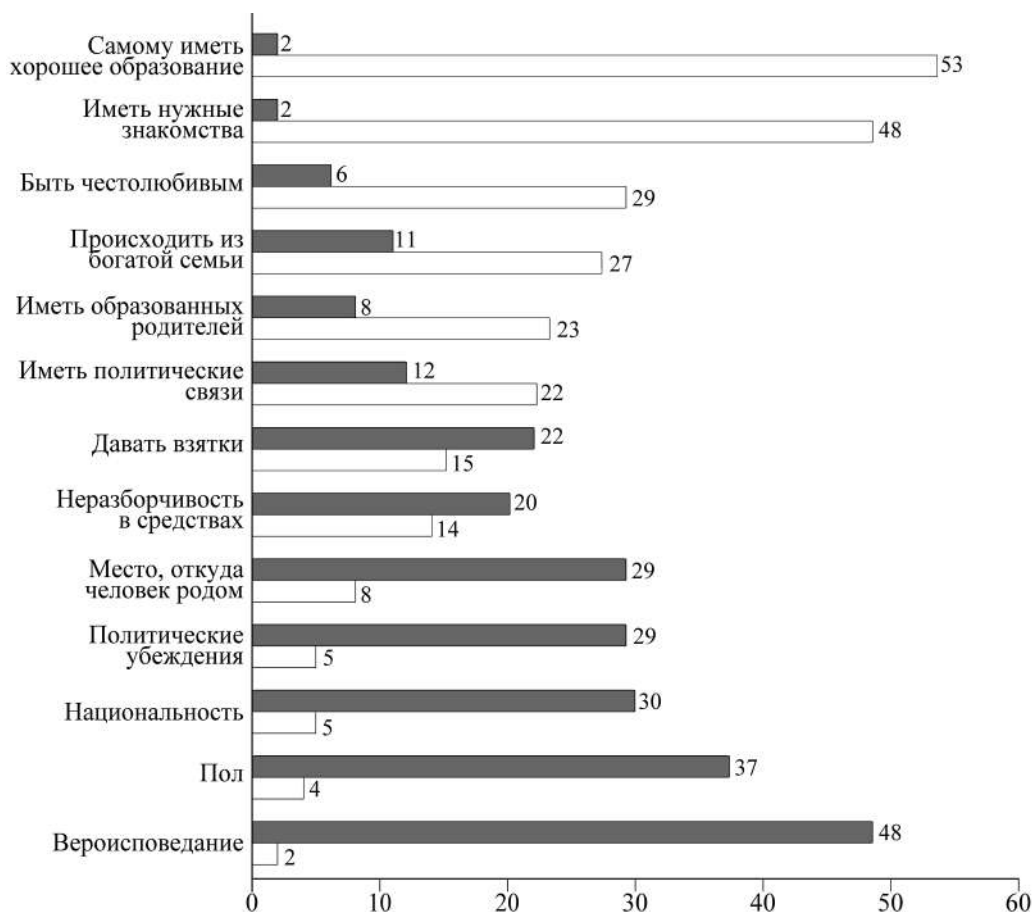

Рисунок 6. Взгляды работающего населения России на то, что позволяет добиться благополучного положения в жизни, 2013 г., % от работающих¹⁸

¹⁸ На рисунке 6 не представлены ответившие «довольно важно» и «не очень важно». Ранжировано по доле выбравших ответ «очень важно». Рассматривались только работающие россияне, так как их представления о факторах успеха в большей степени основаны на реалиях современной России, чем представления пенсионеров, опирающиеся, скорее, на определенные культурные нормы или жизненный опыт, относящийся к иному этапу развития российского общества.

Как видно из данных, приведенных на *рисунке 6*, в восприятии населения в тройке лидеров, позволяющих добиться в жизни благополучия, оказываются не только личностные факторы – упорный труд и собственное образование, – но и наличие нужных знакомств. При этом, если учесть тех, кто отмечал и наличие нужных знакомств, и политические связи, то роль социального капитала еще более возрастет, и он с большим отрывом от всех остальных факторов окажется на первом месте. Также следует отметить, что в последние годы среди всех факторов успеха особенно выросла ценность именно политических связей: в 2006 г., например, об их особой значимости для достижения благополучного положения в жизни говорили лишь 16% респондентов, а к 2013 г. этот показатель вырос до 22%.

Таблица 8. **Причины благополучия, по мнению россиян, лично знакомых им богатых людей, 2012 и 2015 гг., % от имеющих таких знакомых россиян (упорядочено по данным 2015 г.)**

Причины благополучия	2012	2015
Деловая хватка	55	58
Наличие нужных связей, знакомств	62	50
Везение, удача	37	34
Наличие высокой квалификации, знаний	30	33
Работа без оглядки на время и здоровье	31	28
Имевшиеся сбережения, позволившие заняться бизнесом	28	26
Умение использовать все возникающие шансы	33	26
Удачный брак	–	21
Служебное положение, позволяющее брать взятки	17	12
Возможность с выгодой для себя поучаствовать в приватизации	16	9
Связь с криминалом	12	8
Неразборчивость в средствах, непорядочность	12	7

Примечание: жирным шрифтом в таблице выделены факторы, оценка которых изменилась за период 2012–2015 гг. не менее чем на 5%

Еще более показательны в этой связи данные о том, какие факторы привели к благополучию тех их знакомых, которых они могли бы назвать богатыми. Хотя у 44% россиян в 2015 г. вообще не оказалось в окружении богатых людей, в оценках остальных наблюдаются заметные расхождения, и заявлять о наличии общественного консенсуса относительно оснований материального благополучия в современном российском обществе пока не приходится. Говоря о причинах богатства и тем самым описывая основания социальных неравенств, россияне упоминают среди ключевых как личные качества и навыки самого человека (что в целом соответствует консенсусным представлениям населения о справедливых основаниях неравенств), так и наличие социального капитала, а также везение, удачу, умение оказаться в нужное время в нужном месте (*таблица 8*). Это демонстрирует сохраняющееся расхождение между определенными культурными нормами (в частности, представлением о том,

что для достижения успеха необходимо получать хорошее образование и усердно трудиться) и реальностью, когда «истории успеха», которые наблюдают россияне среди своих знакомых, основываются во многом на иных факторах.

Еще один сюжет, казалось бы, не связанный прямо с «туннельным эффектом» и социальной мобильностью, но также характеризующий общий институциональный контекст, на фоне которого россияне оценивают проблемы существующих в обществе неравенств, – это проблема отчуждения труда, ощущения себя на работе «винтиком», а не актором. Судя по имеющимся эмпирическим данным, эта проблема в последние годы обостряется, и это обострение локализуется в наиболее опасных с точки зрения ее последствий группах, а именно среди руководителей и профессионалов. В настоящий момент чувствую, что они являются у себя на работе просто «пешками», от которых в коллективах ничего не зависит, подвержены ровно половина профессионалов, и даже среди руководителей это ощущение испытывает сейчас каждый седьмой (причем именно для них динамика ресурса влияния в ходе последнего десятилетия оказалась наиболее неблагоприятной) (таблица 9). Представления россиян об отчужденности своего труда и невозможности повлиять на происходящее не только оказывают влияние на остроту восприятия неравенств в обществе, но и снижают трудовую мотивацию работников.

Таблица 9. Динамика ресурса влияния на принятие решений у разных профессиональных групп, 2003 и 2014 гг., %

Респонденты считают, что могут повлиять на принятие решений	Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые		Профессионалы		Прочие работники нефизического труда		Рабочие	
	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014
В рамках всего предприятия	44	33	8	5	4	3	1	3
В рамках своего подразделения	42	50	46	45	25	22	16	16
От них на их работе вообще ничего не зависит	14	17	46	50	71	77	83	81

В целом именно закрытие каналов социальной мобильности, отсутствие качественных изменений в жизни большинства россиян, отсутствие работающих институтов для решения ими своих проблем за счет личной активности, снижение роли собственных усилий человека в достижении благополучного социального положения на фоне усиливающейся роли случайных факторов волнуют россиян в большей степени, чем проблема бедности как таковой. Подобное положение дел кажется им несправедливым, а возникающие в этих условиях неравенства представляются избыточными и нелегитимными. Соответственно, формирующийся сегодня запрос населения к социально-экономической политике сосредоточен в первую очередь именно на расширении возможностей преодоления неравенств за счет повышения роли личной активности людей, нежели на поддержке наиболее бедных россиян.

Следует отметить, что общее отношение россиян к неравенствам разделяют как благополучные с точки зрения их доходов россияне, так и неблагополучные. Так, сравнение ответов бедного населения и россиян с доходами более двух медианных значений распределения доходов в их поселениях¹⁹ показывает, что в их представлениях о наиболее острых неравенствах в современном российском обществе нет никаких значимых отличий: и рейтинг наиболее болезненных неравенств, и доли тех, кто выбирал каждое из них в числе наиболее острых, были очень близки. Более того, достаточно похожи оказались и представления этих полярных групп о том, что большая разница в доходах не является сегодня в России необходимой для отражения разницы в талантах и усилиях людей, или же о том, что справедливое общество предполагает не слишком глубокие различия в их уровне жизни. В то же время в отношении признания естественности и справедливости неравенств как таковых между этими полярными доходными группами наблюдаются качественные различия, хотя в абсолютном выражении они не слишком велики: среди бедных согласны с этим немногим более трети (39%), в то время как среди высокодоходных россиян таких большинство – 54%. Тем не менее, как видим (рисунки 7), и в наиболее благополучной группе значительная часть ее представителей не соглашается с неизбежностью и справедливостью наличия в любом обществе социальных неравенств. Наиболее же заметные различия (и здесь разрыв в оценках рассматриваемых полярных групп составляет 2,5 раза) связаны с методами сокращения разрыва в доходах между людьми. У бедных ярко выражен запрос к правительству на сокращение избыточных неравенств: 72% считают, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми. В то же время среди наиболее высокодоходной группы рядового населения эта доля составляет всего 29% (при 65% среди населения в целом). И это вполне объяснимо: представители данной группы небезосновательно опасаются, что меры по сокращению соответствующего разрыва будут означать не столько рост доходов бедных, сколько сокращение их собственных доходов.

Насколько уникальна такая картина? Как показывают данные сравнительных международных исследований, ни о какой особой тяге россиян к уравнительности говорить не приходится. Так, например, если судить по данным международного исследования ISSP²⁰, средний показатель распространенности запроса к правительству на сокращение разрыва в доходах у граждан страны в России (65%) очень близок к показателям по Германии (66%), Великобритании (66%) или Китаю (71%). При этом объективные показатели неравенства доходов в России намного выше, чем в Германии и Великобритании, хотя и ниже, чем в Китае. Значительно отличаются эти показатели в США, где совсем иная культура и менталитет населения: там доля сторонников точки зрения, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми, составляет всего лишь треть.

¹⁹ В этой связи стоит напомнить, что представители верхних 3–5% наиболее высокодоходных групп населения в выборки массовых опросов не попадают. Среднедушевые ежемесячные доходы представителей группы, о которой идет речь как о группе с максимальными доходами, находились в использовавшемся массиве данных в диапазоне от 20 тыс. до 100 тыс. руб.

²⁰ Ежегодное международное сравнительное исследование *International Social Survey Programme* (ISSP). Подробнее об этом исследовании, его выборке и результатах см.: <http://www.issp.org>. Данные приводятся по волне 2009 г.

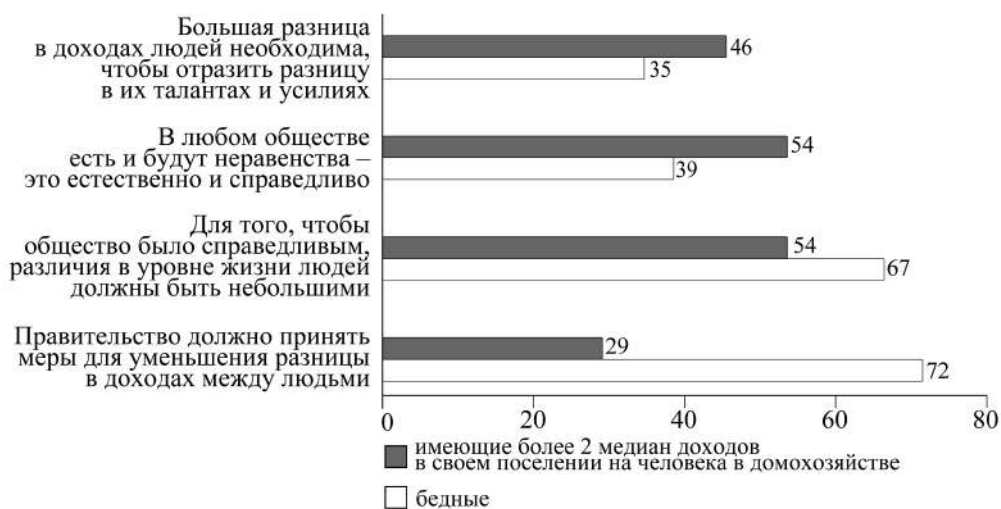

Рисунок 7. Представления о неравенствах бедных россиян и тех, кто имеет более двух медиан доходов в своем типе поселений на человека в домохозяйстве, 2013 г., % (доля полностью согласных и скорее согласных с соответствующими нормативными суждениями)

При близости нормативных представлений даже полярных по доходам групп россиян в отношении социальных неравенств реальное воздействие различных социальных неравенств на их жизнь различается довольно заметно: бедные россияне чаще говорят о том, что те или иные типы неравенств затрагивают их лично. Так, страдающими от неравенства доходов считают себя 61% бедных (при 40% среди высокодоходных россиян), от неравенств в доступе к медицинской помощи – 47% и 26% соответственно, от неравенства жилищных условий – 35% и 27% соответственно, а от неравенства в доступе хорошим рабочим местам – 36% и 26%. По самооценкам, не страдают от каких-либо неравенств 6% бедных при 22% в группе с ежемесячными среднедушевыми доходами более двух медиан в их типах поселений.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что, хотя бедные россияне сильнее остальных лично страдают от болезненных неравенств по доходу и поэтому предъявляют больший запрос на сокращение этих неравенств к государству, но даже они, как и россияне в целом, допускают существование в обществе неравенств, основанных на легитимных, согласно их представлениям, основаниях. Как и для населения в целом, это прежде всего более быстрая и эффективная работа (с этим основанием неравенства по доходу согласны 64% бедных) и более высокий уровень образования (53%), но только в условиях, когда у всех есть равные возможности доступа к «хорошим» рабочим местам, а также возможность «заработать» как таковая (55%). Таким образом, хотя бедные в целом в меньшей степени согласны не только с существованием неравенств по доходу, но и с теми или иными основаниями этих неравенств, качественно их ответы отражают картину, характерную для представлений в этой области всех россиян вообще.

При этом динамика отношения бедных россиян к неравенствам в сфере потребления за последние 10 лет говорит о том, что их толерантность к ним, как и у россиян в целом, снижается, по всей видимости, в результате усиления ощущения их несправедливости и избыточности.

Основные выводы

Изменение восприятия бедности и неравенств в общественном сознании россиян отражает объективные тенденции эволюции этих явлений: сокращение масштабов бедности в период до конца 2014 г. и изменение ее причин вытесняют эту проблему на периферию общественного сознания, а ухудшающаяся ситуация с неравенствами, наоборот, способствует обострению восприятия этой проблемы населением и выдвигению ее на первый план.

Одновременно прослеживается ухудшение отношения к бедным, идут процессы их стигматизации, бедность все чаще ассоциируется с пьянством и другими асоциальными формами поведения. В то же время россияне в большинстве своем признают, что к бедности могут привести и не зависящие от людей обстоятельства (болезнь, смерть кормильца и т.д.), которые в условиях недостаточности государственной поддержки зачастую играют ключевую роль при «сползании» в бедность. Результатом такого видения причин бедности становится индивидуализация отношения к бедным, исчезновение четко выраженного восприятия их как единой социальной группы, дробление проблемы бедности в общественном сознании на отдельные случаи бедности. В условиях уменьшения доли россиян, имеющих бедных в своем ближайшем окружении, это приводит к тому, что идеология усиления адресности социальной помощи с главным ее критерием «помощь по степени нуждаемости», активно пропагандируемая в последние годы, приходит во все большее противоречие с жизненным опытом и видением приоритетов государственной поддержки рядовыми гражданами страны. Представлениям населения в большей степени отвечала бы не унифицированная, а дифференцированная политика по отношению к бедным, учитывающая причины бедности конкретных домохозяйств и предполагающая разнообразные формы помощи им.

У россиян существуют очень четкие представления о черте бедности, т.е. том уровне доходов, который обеспечивает прожиточный минимум, а также о том, что именно выступает признаками бедности, т.е. о критериях относительной бедности в ее депривационной трактовке. Такими характерными признаками образа жизни бедных для большинства населения выступают, прежде всего, плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов. Эти представления практически не изменились за последние 10 лет, если не считать резкого роста значимости такого признака бедности, как неизбежность долгов. Это позволяет использовать для оценки бедности в России широко распространенный в мире депривационный подход, основанный на выделении бедных на основе испытываемых ими лишений.

В отличие от проблемы бедности, постепенно уходящей на периферию общественного сознания, проблема неравенств стоит для россиян очень остро и ее значимость лишь возрастает. Хотя нормативно-ценностные системы населения России характеризуются достаточно высокой степенью толерантности к большин-

ству видов социальных неравенств, неравенство в доходах, существующее в стране в данный момент, представляется россиянам излишне глубоким, а основания главных социальных неравенств – нелегитимными. Более того, россияне не видят какие-либо возможности для изменения этой ситуации: их собственные действия в сложившихся институциональных условиях оказываются неэффективными для преодоления тех неравенств, от которых они страдают, а государственные и общественные институты не способны помочь им в решении этих проблем. Ощущение избыточного и нелегитимного по своим основаниям неравенства приводит к формированию запроса на большее равенство доходов.

Запрос населения к социально-экономической политике государства в этих условиях подразумевает в первую очередь не столько монетарную поддержку самых бедных россиян, сколько формирование институциональных условий, которые должны создавать легитимные пути для самостоятельного улучшения людьми своего положения, способствовать сокращению потенциальных зон расширения бедности, ликвидировать структурные причины бедности и выравнивать стартовые условия различных групп населения. Только такая политика будет способствовать повышению легитимности ситуации с неравенствами в глазах населения, а также реализации на практике модели общества массового среднего класса пусть и с достаточно глубокими неравенствами, но обусловленными легитимными основаниями и возникшими в условиях равенства возможностей. Именно такое общество не только представляется россиянам оптимальной моделью, но и в большей степени способно обеспечить ускорение экономического роста и создание предпосылок для более гармоничного и устойчивого развития нашей страны.

Литература

- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2014) Бедность в России на фоне других стран // Мир России. № 4. С. 59–95.
- Беляева Л.А. (2006) Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. № 9. С. 52–63.
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. (2014) Восприятие неравенства и социальная мобильность. Препринты. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». М.: ВШЭ.
- Горшков М.К. (ред.) (2015) Российское общество и вызовы времени. М.: Весь мир.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) (2014) Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир.
- Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. (2013) Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. № 1. С. 155–175.
- Мареева С.В. (2013) Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. № 5. С. 16–26.
- Овчарова Л.Н. (2008) Бедность и экономический рост в России // Журнал исследований социальной политики. № 4. С. 439–456.
- Овчарова Л.Н. (2009) Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио.
- Постановление Правительства Москвы от 19.06.2013 (2013) № 392-ПП // <http://afga.ru/?p=48>
- Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 27.08.2013 г. (2013) № 615 // <http://gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/news/38082>
- Пишняк А.И., Попова Д.О. (2011) Бедность и благосостояние российских семей с детьми на разных этапах экономического цикла // SPERO. № 14. С. 57–78.

- Слободенюк Е.Д. (2013) Нерыночные факторы бедности в современной России и пути совершенствования социальной политики // Журнал исследований социальной политики. № 3. С. 391–406.
- Тихонова Н.Е. (2003) Феномен городской бедности. М.: Летний сад.
- Тихонова Н.Е. (2014) Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый Хронограф.
- ФСГС РФ (2013) О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в I квартале 2013 года // http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm
- ФСГС РФ (1) (2015) Краткосрочные экономические показатели-2015 г. Июль 2015 г. Социальная сфера. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума // http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_02/Main.htm
- ФСГС РФ (2) (2015) О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации во II квартале 2015 года // http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/179.htm
- ФСГС РФ (3) (2015) Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-2.doc
- ФСГС РФ (4) (2015) Распределение общего объема денежных доходов населения // http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/IssWWW.exe/Stg/d09/3-1-2.doc
- Ярошенко С. (2010) «Новая» бедность в России после социализма // *Laboratorium*. № 2. С. 221–251.
- Hirschman A., Rothschild M. (1973) The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no 4, pp. 544–566.
- Mack J., Lansley S. (1985) *Poor Britain*. London: George Allen & Unwin.
- Piketty T. (1995) Social Mobility and Redistributive Politics // *Quarterly Journal of Economic*, vol. 110, no 3, pp. 551–584.
- Ravallion M., Lokshin M. (2000) Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia // *Journal of Public Economics*, vol. 76, no 1, pp. 87–104.
- Townsend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom*. Harmondsworth: Penguin.
- Townsend P. (2010) Meaning of Poverty // *The British Journal of Sociology*, no 61, pp. 85–102.
- Van Praag B., Goedhart T., Halberstadt K.A., Kapteyn A. (1977) The Poverty Line: Conception and Measurement // *Journal of Human Resources*, vol. 12, no 4, pp. 503–520.

Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia

S. MAREEVA*, N. TIKHONOVA**

*Svetlana Mareeva – Candidate of Sociological Sciences, Head of Centre for Stratification Research, Institute of Social Policy, Higher School of Economics; Senior Researcher, Centre for Complex Social Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia. E-mail: smareeva@hse.ru

**Natal'ya Tikhonova – Doctor of Sociological Sciences, Professor-Researcher, Faculty of Economic Sciences, School of Economics; Principal Researcher, Institute of Social Policy, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia. E-mail: ntikhonova@hse.ru

Citation: Mareeva S., Tikhonova N. (2016) Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Mir Rossii*, vol. 25, no 2, pp. 37–67 (in Russian)

Abstract

This article explores the changes in public perceptions of poverty and inequality in Russia, based on representative surveys conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences between 2003 and 2016. The findings reveal that changes in public perceptions of poverty and inequality in Russia largely mirror the actual trends pertaining to these phenomena. Although decreasing poverty, and its changing causes, has made the problem itself of lesser concern to Russians, the diminishing concern about poverty has been replaced by growing concern regarding increasing inequalities.

Russians increasingly stigmatize the poor, which can be explained by the fact that poverty had become mostly a marginal phenomenon by 2014 and that Russians became less prone to perceive poverty as being caused by structural factors. On the other hand, they still recognize that particular circumstances may lead to poverty. As a result their perceptions become more individualized. Therefore, to address the problems of the poor, Russians increasingly demand a more differentiated policy which would alleviate these circumstances. Further, Russians have a clear understanding of the ‘poverty threshold’, i.e. the minimum subsistence income and particular characteristics of poverty such as malnutrition, the lack of money to buy clothes and to satisfy other basic needs without going into debt. This understanding is stable and therefore it has become more relevant to define poverty as relative deprivation.

The findings also reveal that Russians are highly tolerant of the social inequality caused by the factors assumed to be legitimate in the paradigm of equal opportunities. The current level of inequality, however, is perceived as highly excessive and is more often attributed to illegitimate factors. This pushes the demand for redistributive policies.

The article concludes by outlining the more specific contours of a social policy which would correspond to the current structure of preferences. Such a policy implies not so much a monetary means of support, but a further improvement of institutions which enable legitimate ways of individual attainment, a reduction in the factors leading to poverty, and equal opportunities for everyone.

Keywords: poverty, inequality, public opinion, social structure, tunnel effect, social justice

References

- Anikin V., Tikhonova N. (2014) Bednost' v Rossii na fone drugikh stran [Framing Contemporary Russian Poverty in the Context of Different Nations]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 59–95.
- Belyaeva L.A. Sotsial'naya stratifikatsiya i bednost' v regionakh Rossii [Social Stratification and Poverty in Russian Regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9, pp. 52–63.
- FSGS RF (2013) O sootnoshenii denezhnykh dokhodov naseleniya s velichinoi prozhitochnogo minimuma i chislennosti maloimushchego naseleniya v tselom po Rossiiskoi Federatsii v I kvartale 2013 goda [Russian Federal Statistics Agency. Household Incomes, Subsistence Level and the Number of Poor in the Russian Federation in the First Quarter of 2013]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm, accessed 28 February 2016.

- FSGSRF* (1) (2015) *Kratkosrochnye ekonomicheskie pokazateli-2015 g. Iyul' 2015 g. Sotsial'naya sfera. Chislennost' naseleniya s denezhnymi dokhodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma* [Russian Federal Statistics Agency. Short-term Economic Indicators-2015, July 2015. Social Sphere. Number of People with Income Below the Subsistence Level]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_02/Main.htm, accessed 28 February 2016.
- FSGSRF* (2) (2015) *O sootnoshenii denezhnykh dokhodov naseleniya s velichinoy prozhitochnogo minimuma i chislennosti maloimushhego naseleniya v celom po Rossiiskoi Federatsii vo II kvartale 2015 goda* [Russian Federal Statistics Agency. Household Incomes, Subsistence Level and the Number of Poor in the Russian Federation in the Second Quarter of 2015]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/179.htm, accessed 28 February 2016.
- FSGSRF* (3) (2015) *Raspredelenie obshchego ob'ema denezhnykh dokhodov i kharakteristiki differentsiatsii denezhnykh dokhodov naseleniya* [Russian Federal Statistics Agency. Distribution of Total Income and Income Differentiation]. Available at: http://www.gks.ru/free/doc/new_site/population/bednost/tabl/1-2-2.doc, accessed 28 February 2016.
- FSGSRF* (4) (2015) *Raspredelenie obshchego ob'ema denezhnykh dokhodov naseleniya* [Russian Federal Statistics Agency. Distribution of Total Income]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/IssWWW.exe/Stg/d09/3-1-2.doc, accessed 28 February 2016.
- Gimpelson V., Monusova G. (2014) *Vospriyatie neravenstva i sotsial'naya mobilnost'* [Perception of Inequalities and Social Mobility]. Working paper WP3 "Problems of Labour Market", Moscow: HSE.
- Gorshkov M.K. (ed.) *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Modern Challenges], Moscow: Ves' mir.
- Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.) (2014) *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the Poor in Modern Russia], Moscow: Ves' Mir.
- Hirschman A., Rothschild M. (1973) The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no 4, pp. 544–566.
- Karabchuk T., Pashinova T., Soboleva N. (2013) *Bednost' domohozyaistv v Rossii: chto govoryat dannye RLMS HSE* [Household Poverty in Russia: What RLMS HSE Data Shows]. *Mir Rossii*, vol. 22, no 1, pp. 155–175.
- Mack J., Lansley S. (1985) *Poor Britain*, London: George Allen & Unwin.
- Mareeva S. (2013) *Spravedlivoe obshchestvo v predstavleniyakh rossiyan* [Fair Society in Perceptions of Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 16–26.
- Ovcharova L. (2008) *Bednost' i ekonomicheskii rost v Rossii* [Poverty and Economic Growth in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 6, no 4, pp. 439–456.
- Ovcharova L. (2009) *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov bednosti: rossiiskii i mezhdunarodnyi opit* [Theoretical and Practical Approaches to Evaluation of Level, Pattern, and Factors of Poverty: Russian and International Experience], Moscow: M-Studio.
- Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 19.06.2013 N 392-PP* (2013) [Moscow Government Decree, N 392-PP, 19.06.2013]. Available at: <http://afga.ru/?p=48>, accessed 28 February 2016.
- Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 27.08.2013 N 615* (2013) [Saint-Petersburg Government Decree, N 615, 27.08.2013]. Available at: <http://gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/news/38082>, accessed 28 February 2016.
- Piketty T. (1995) Social Mobility and Redistributive Politics. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 3, pp. 551–584.
- Pishnyak A., Popova D. (2011) *Bednost' i blagosostoyanie semei s det'mi na raznykh etapakh ekonomicheskogo tsikla* [Poverty and Well-being of Russian Families with Children at Different Stages of the Economic Cycle]. *SPEPO*, no 14, pp. 57–78.
- Ravallion M., Lokshin M. (2000) Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia. *Journal of Public Economics*, vol. 76, no 1, pp. 87–104.
- Slobodenyuk E. (2013) *Nerynochnie faktori bednosti v sovremennoi Rossii i puti sovershenstvovaniya sotsial'noi politiki* [Non-market Factors of Poverty in Contemporary Russia and Ways of Improving Social Policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 11, no 3, pp. 391–406.

-
- Tikhonova N.E. (2003) *Fenomen gorodskoi bednosti* [The Phenomen of Russian Poverty], Moscow: Letnii sad.
- Tikhonova N. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: Teoriya i realnost'* [Social Structure of Russia: Theories and Reality], Moscow: Novyi Khronograph.
- Townsend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom*, Harmondsworth: Penguin.
- Townsend P. (2010) Meaning of Poverty. *The British Journal of Sociology*, no 61, pp. 85–102.
- Van Praag B., Goedhart T., Halberstadt K.A., Kapteyn A. (1977) The Poverty Line: Conception and Measurement. *Journal of Human Resources*, vol. 12, no 4, pp. 503–520.
- Yaroshenko S. (2010) «Novaya» bednost' v Rossii posle sotsializma [New Poverty in Russia after Socialism]. *Laboratorium*, no 2, pp. 221–251.